

Ч А Р О Д Е И

ДМИТРИЙ
ЕМЕЦ

В КОГТЯХ КАМЕННОГО ВЕКА

ЭКСМО

Дмитрий Емец

В когтях каменного века

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142585

*Дмитрий Емец. В когтях каменного века: Эксмо-Пресс, Армада;
Москва;*

ISBN 5-04-004874-2

Аннотация

Вы не поверите, но это было на самом деле! Вася Матвейщиков очнулся в каменном веке, за тридцать тысяч лет до нашей эры! А ведь мог бы испугаться, когда перед ним вдруг возникло пространственное окно. И тогда ничего бы этого не случилось. Ему не пришлось бы убегать от Лесных Людей, сражаться с пещерным медведем, мамонтами и саблезубыми тиграми, спасать от неминуемой гибели племя Камышовых Котов. Все это страшно интересно, но Васе необходимо вернуться домой. А для этого нужно сделать почти невозможное – раскрыть тайну Духа Огня...

Содержание

От автора	4
Немного из истории	6
Глава I	12
Глава II	36
Глава III	56
Глава IV	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Дмитрий Емец

В когтях каменного века

От автора

*С точки зрения истории планеты несколько тысяче-
лтий – всего лишь миг. По мере того как ты будешь расти,
юный друг, ты станешь замечать, что с каждым годом вре-
мя для тебя летит все быстрее и быстрее, и чем дальше,
тем стремительнее, словно ты несешься на санках с горы
и разгоняешься во весь дух. Но потом наступит день, когда
ты должен будешь вообще покинуть Землю, и это неизбеж-
но. Хорошо, если постарайшься и оставишь после себя на
Земле что-нибудь хорошее и светлое: незапятнанное имя,
доброе дело и благодарность людей.*

*Очень скоро наступит такой момент, когда ты пой-
мешь, что сто лет – это совсем немного и двести лет – не
очень много, что почти в каждом лесу можно найти ста-
рый дуб или сосну, которые росли еще в эпоху Петра I, Боро-
динской битвы. Поэтому кажется, что человеческая исто-
рия плетется медленно, но на самом деле годы летят очень
быстро.*

И последнее.

Все, что описано в этой книжке, – быль, хотя, возмож-

но, во многое тебе трудно будет поверить, потому что произошло это много сотен веков назад, когда Земля была не такой, как теперь.

Итак, приготовься к самому невероятному. Впрочем, не будем забежать вперед и начнем все по порядку. Вначале обратимся к истории, чтобы ввести тебя, юный читатель, в курс дела и напомнить о том, что ты, возможно, уже где-то слышал.

Немного из истории

*Когда идешь по чужим следам не оглядываясь, не видишь, кто идет по твоим собственным следам.
Пословица пещерных времен*

История человека на Земле насчитывает более 2,5 миллиона лет, но нам известны из прошлого в основном события последних 3 – 4 тысяч лет, подобно тому, как если бы из всей нашей жизни мы помнили только то, что произошло в последнюю секунду.

Нередко ученые приводят такой пример: если всю историю рода человеческого на Земле приравнять к суткам (24 часа), то окажется, что в самом начале суток (в 0 часов) человек научился создавать первые примитивные орудия. Питекантроп, или «человек выпрямленный», жил между 14 и 19 часами, а неандерталец – между 19 и 23 часами 30 минутами.

В 23 часа 55 минут, почти в самом конце суток, начался поздний период каменного века – неолит, а весь известный этап истории – с зарождением государств, письменностью, культурой – возник на некоторых участках Земли (Египет, Вавилон, Ассирия, Китай и пр.) только за 3 минуты до конца суток. Итак, все, что нам известно об истории Земли, – это только мизерная часть последних тысячелетий, а собы-

тия остальных миллионов лет окутаны тайной.

Человеческая история, как и все существовавшее на Земле когда-либо, тоже развивалась с ускорением: вначале медленно, потом все быстрее и быстрее.

Самым длительным был *каменный век*— он начался около 2,5 миллиона лет назад и закончился за 3 тысячи лет до нашей эры¹. *Бронзовый век* длился около 2,5 тысячи лет, а приблизительно в середине второго тысячелетия до нашей эры наступил *железный век*, в котором живем и мы. Возможно, после нашего железного века будет еще какой-нибудь, например, *космический* или *компьютерный век*, но он еще пока не стал историей и потому не назван.

В разных районах Земли эти века начинались не одновременно: где-то раньше, где-то позже.

Каменный век— самый долгий период в истории человечества — делится на несколько эпох: древний каменный век, или *палеолит* (2,5 миллиона — 12 тысяч лет назад); средний каменный век, или *мезолит* (12 тысяч — 8 тысяч лет до нашей эры); новый каменный век, или *неолит* (8 тысяч — 3 тысячи лет до нашей эры).

Внешность человека не оставалась неизменной из века в век, а тоже постепенно менялась, причем чем дальше, тем быстрее, пока наконец сейчас, на рубеже II и III тысячелетий, не привела к акселерации, которая выражается не только в том, что современный человек стал более рослым, но

¹ То есть как бы 23 часа 35 минут из 24 часов. Почти все сутки!

и в целом ряде внутренних изменений. Это привело к формированию на наших глазах человека футурума, то есть *человека будущего*, который, возможно, через тысячу-две лет, а то и раньше, будет отличаться от нас так же сильно, как мы сейчас отличаемся от питекантропов и неандертальцев. Впрочем, доживем – увидим...

А сейчас внуки не очень похожи на своих бабушек и дедушек, люди XX столетия заметно отличаются от предшественников из XIX, и чем дальше от нас время, тем изменения значительнее. Эти изменения никогда не бывают внезапными, но иногда они происходят очень быстро, всего за несколько столетий или тысячелетий. И опять, что уже отмечалось, – *чем дальше, тем возникают быстрее*.

3,5 – 1,8 миллиона лет назад в степях Африки можно было встретиться с довольно мрачными внешне существами, очень похожими на обезьян. Позднее их назовут *австралопитеками*. И если бы вы подошли к такому существу и сказали бы: «Здравствуй, австралопитек! А я твой в сотой степени потомок», то незнакомец, не проявляя радостных чувств, скорее всего или убежал бы, или шарахнул бы вас по голове камнем или палкой, которые он уже научился использовать, обороняясь от диких зверей или чтобы разбить скорлупу ореха. Эти орудия он не создавал, а находил в местах обитания.

Первые каменные орудия люди научились изготавливать приблизительно 2,5 миллиона лет назад. Это были куски

твердых пород с острыми краями или сколки. Таким камнем можно было сбить с дерева ветку, снять шкуру с убитого животного, выкопать корень или расколоть кость. Тот, кто научился обрабатывать камни, получил позднее наименование *человек умелый*.

«Человек умелый» передвигался на ногах, а руками он уже научился изготавливать орудия. Говорить этот человек еще не умел и подобно обезьянам подавал сигналы криками, жестами, гримасами. Кроме использования растительной пищи «человек умелый» был уже не прочь полакомиться мясом, хотя чаще всего не убивал добычу сам, а криком, воплем и забрасыванием камнями отгонял от пойманной добычи средних хищников.

Около 1 миллиона лет назад появился новый вид – «человек выпрямленный», он же *питекантроп*, или *обезьяночеловек*. Он был немного смышленнее, но все еще покрытый шерстью, с низким лбом и сильно развитыми надбровными дугами.

В эпоху питекантропов начался ледниковый период. Из-за образования ледников понизился уровень Мирового океана, и между участками суши, которые прежде были разделены, появились сухопутные «мосты».

Наши предшественники – питекантропы – были сообразительными существами, спасаясь от ледников и просто мигрируя за стадами животных, они разбрелись почти по всем континентам.

Стоянки первобытных племен возникали на берегах рек и озер, в местах, где обитали большие стада животных. Когда была такая возможность, питекантропы селились в пещерах, впрочем, глубоко они забираться боялись, а предпочитали жить поближе к выходу.

Первобытные люди любили заманивать стада оленей, быков, мамонтов на обрывы, а потом, когда животные срывались со скалы и падали в овраги, добивали их камнями и копьями. Впрочем, иногда, когда охотникам везло меньше, стадо топтало их или поднимало на рога.

К радости историков, питекантропы уже умели говорить и могли рассказать массу интересного. По вечерам после охоты они собирались в пещерах, и начиналась увлекательная беседа: «Бах! Бабах! А этот как наскочит и м-м-муу! А я его – шарах! А он на меня – и бодаться! А я его снова – шарах! А он: бух! Шмяк! Растянулся!» – рассказывал какой-нибудь питекантроп-папа, а его маленькие отпрыски слушали отца внимательно и набирались охотничьего опыта.

Это была первобытная школа, несколько позднее ее усовершенствовали и создали современную систему образования, хотя основные методы получения знаний остались прежними, семинарско-лекторскими.

Питекантропы просуществовали около 1 миллиона лет, пока постепенно их не вытеснила новая разновидность человека – неандерталец. Произошло это около 250 тысяч лет назад. Неандерталец уже мало отличался от современного че-

ловека, но у него был низкий лоб и скошенный подбородок.

Неандерталец просуществовал на Земле приблизительно 200 тысяч лет, а потом довольно быстро (по историческому течению времени) был сменен кроманьонцем, который был уже человеком современного типа. Люди, вытеснившие неандертальцев 30 – 40 тысяч лет назад, уже не были звероподобны: их лоб стал более высоким, руки менее мощными, и у них появился подбородочный выступ. Именно в эту эпоху было полностью завершено заселение всех континентов, начатое еще питекантропами...

Именно к этому времени, примерно к XXX тысячелетию до нашей эры, и относится то событие, которое описывается в этой книге... Случившееся кажется совершенно невероятным, на самом деле оно научно вполне обосновано, правда, исключительно редкое, настолько редкое, что за всю историю существования человечества произошло лишь однажды...

Глава I

Новый гарпун

*«Так нечестно! Это я должен на тебя охотиться!» – крикнул пещерный человек, который, отправившись на охоту, вынужден был спасаться бегством от носорога.
Быль пещерных времен*

Наукой зафиксировано, что время тянется не линейно, а закручивается по спирали – виток за витком. В качестве примера возьмем катушку с нитками. Вообразите себе, что нитки – это время. Сами по себе нитки прямые и не соединены друг с другом, но, будучи намотаны на катушку рядами, они соприкасаются, оказываются рядом, и муравей, который ползет по катушке, может с легкостью перебираться с витка на виток через многие метры ниток, как если бы они были одним целым.

Иногда в исключительных случаях происходит смещение времени, то есть как бы пересечение его нитей, когда прошлое и будущее на несколько мгновений сливаются воедино, и тогда открывается окно времен. Обычно это не приводит ни к каким особым последствиям, потому что помимо временных координат есть еще и пространственные, и если пространственные координаты в этот момент не сов-

падают, то дыра времени открывается где-нибудь в сотнях тысяч километров от Земли на ее орбите.

Но совсем редко, возможно, в одном случае из ста тысяч, случается, что пространственные и временные координаты как бы накладываются, то есть Земля в момент пересечения времени оказывается в одном и том же месте на своей орбите. Тогда может произойти так, что внезапно откроется дорога во времени и физическое тело, случайно оказавшееся поблизости, может быть перенесено из одной эпохи в другую. Но потом нити, которые какое-то время шли параллельно, опять разъединяются, и снова череда линейной истории движется своим обычным ходом...

* * *

Месяц Хода Лосося подходил к концу, когда четырнадцатилетний Агам из племени Камышовых Котов сделал свой первый гарпун. Тот надежный гарпун, который остался от отца и служил много лет, недавно унесла в своей спине крупная рыба, а Агам не смог догнать ее, потому что подрался с Уюком.

Уюк, сильный подросток, который вскоре должен был пройти обряд посвящения в мужчины, невзлюбил Агама и часто дразнил его «лесным человеком» и «большеголовым». Действительно, лоб у него был высоким, не таким, как у многих мужчин его племени, у которых волосы росли сразу над

бровями, как, например, у Уюка, но с Лесными Людьми Агам не имел ничего общего.

Лесные Люди – одно из соседних диких племен – были рослыми, покрыты шерстью, как обезьяны, они умели говорить, но чаще общались друг с другом криками и жестами. Лесные Люди имели мощные надбровные дуги, были низколобы, неуклюжи, с длинными, до колен, руками. Они обладали огромной силой и умели далеко метать камни и копья, но лук и стрелы были им неизвестны. Никаких орудий они не изготавливали, жилищ себе не строили, а зимой забивались в глубокие норы, которые выкапывали палками в крутом склоне.

Лесные Люди из-за своей неуклюжести часто не могли добыть для себя крупную дичь, плохо собирали корни и поедали зимой своих соплеменников. Они часто утоляли голод слабыми, стариками, а также больными и ранеными, поэтому племя их уменьшалось. А когда к людоедству добавились еще и браки с сестрами, стало ясно, что свою битву в эволюции Лесные Люди проиграли и теперь их племя постепенно вырождается и вымирает.

Женщины Лесных Людей к этому времени могли вырастить только одного ребенка, остальные дети либо рождались слишком слабыми и умирали, либо искра новой жизни вообще не могла вспыхнуть. И так как необходимого для развития притока свежей крови в сообщество не было, то вместо двух человек – мужчины и женщины – воспроизводился

только один и племя Лесных Людей все уменьшалось.

В эволюции этот народ проиграл. Только иногда у Лесных Людей появлялась былая отвага, и тогда они нападали на соседнее племя Камышовых Котов, отбирали добычу, а иногда пытались их убить. Камышовые Коты не были так сильны, как Лесные Люди, но они умели хорошо бросать копья и дроты с помощью приспособлений из кости и рога – копьёметалок, к тому же их каменные топоры были изготовлены намного лучше, чем примитивное оружие Лесных Людей. Прошлой весной в упорной битве племя Лесных Людей было почти полностью уничтожено, и теперь только небольшая часть уцелевших скрывалась где-то в сосновой чаще.

Племя Камышовых Котов жило в глубоких извилистых пещерах, которые выходили к реке. Она пока не имела единого названия, каждое племя давало ей свое имя, только позднее, через 30 тысяч лет, она станет Амуром.

Пока же она была просто Большая Река, этим отличаясь от Маленькой – так племя называло небольшой приток, впадавший в Большую выше по течению.

Заболоченные берега притока и реки густо поросли камышом. В зарослях было очень удобно прятаться, а потом внезапно нападать на оленей и кабанов, приходивших сюда на водопой. Некоторые самые сообразительные охотники забирались в реку, ныряли и, дыша через полый стебель камыша, могли долгое время проводить под водой, поджидая жертву.

Там же, в болотистых местах, жили небольшие дикие

животные с пятнистой шерстью, похожие на рысей, только меньше, – это были камышовые коты. Ловкие охотники, они бесшумно подкрадывались к утке или лебедю и убивали жертву, перекусив ей шею, а когда котов подстерегала опасность, они выгибали спину, шипели и исчезали в густых шелестящих зарослях.

Людей восхищали эти ловкие хищники, и они старались подражать животным в умении незаметно подкрадываться к дичи. На камышовых котов не охотились – в них мало мяса, к тому же колдун утверждал, что тому, кто убьет кота, перестанет везти на охоте и зимой в его пещере погаснет огонь, что считалось дурным предзнаменованием.

Это животное было тотемом племени, и именно от него оно получило свое название – племя Камышовых Котов.

Как-то раз Агам нашел в камыше у берега двух полосатых котят с недавно прорезавшимися глазками. Они потеряли мать, которая могла погибнуть в схватке с кабаном, волком или рысью, а возможно, малыши вывалились из своей норы в дупле старой ветлы.

Котята были маленькими, но нещадно царапались и кусались и изодрали мальчику в кровь все руки. Пожалев их, Агам взял малышей в пещеру и стал кормить бедняг кусочками мяса.

Члены его рода относились к зверькам по-разному. Некоторым, особенно малышам и девочкам, котята нравились, а взрослых воинов и стариков непрерывное мяуканье неред-

ко раздражало, и они хотели их выбросить в реку, но колдун пригрозил проклятием – нельзя убивать священное животное племени! Один из малышей вскоре сдох, Агам подозревал, что кто-то бросил в него камнем. Второй котенок вырос и вскоре убежал в камыши. Он так и не был приручен, хотя Агама не боялся, не прятался от него, а однажды даже позволил забрать у себя задущенную утку.

Племя Камышовых Котов состояло из нескольких родов, связанных между собой сложными родственными узами. В основном роды состояли из матери, отца, их взрослых сыновей с женами, дядьев и их детей. Женщины и незамужние дочери принадлежали к роду отца. После замужества девушка переходила в род к мужу.

Люди жили в десятках пещер, разбросанных вдоль берега. Всего племя насчитывало примерно 80 мужчин-охотников, женщины, дети и старики в расчет не принимались.

Самым сильным в племени считался тот род, в котором было больше всего мужчин-охотников. Довольно часто кто-то из них погибал в схватке со зверем или умирал от болезни. Тогда заботу о его жене и детях брал на себя весь род, хотя, разумеется, упреков, подзатыльников и угроз осиротевшим детям хватало.

Агаму хорошо было известно, каково остаться сиротой. Когда ему было семь весен, а его младшей сестре Омре четыре весны, их отец Яргле неудачно прыгнул с дерева и сломал ногу. Перелом был очень тяжел, из раны текла кровь, и

даже колдун не смог помочь, хотя усердно плевал на рану, кувыркался через костер и посыпал место перелома сухим медвежьим пометом. Через два дня Яргле умер, а его жена Рынна и двое детей остались без защиты кормильца.

Правда, у Яргле были братья – дяди Агама и Омры, но у них хватало забот со своими семьями, поэтому они оказывали лишь незначительную помощь, и детям Рынны приходилось рассчитывать только на самих себя.

Может быть, поэтому Агам вырос таким решительным и самостоятельным.

Он быстро научился искать в лесу и на полянах съедобные корни и травы, знал все ягоды в лесу и кормил себя и свою сестру Омру. Иногда ему удавалось поймать на мелководе какую-нибудь небольшую рыбу, и они съедали ее или жаренной на костре, или, если были голодны, сырой.

Когда Агаму исполнилось десять весен, он отцовской острой убил первого большого лосося, а потом сделал себе лук и стал охотиться на уток, так как для серьезной охоты на оленей или на диких свиней он был еще слишком слаб. Иногда ему удавалось подстрелить утку, и если его добычу не отнимали старшие мальчишки вроде Уюка, а в пещерные времена это часто происходило, то он приносил добычу матери и сестре. Жили они впроголодь, но держались.

Теперь же, когда отцовская острога уплыла в спине рыбыны, которую он не смог настичь, их семья оказалась в очень сложном положении. Без остроги крупную рыбу не добыть,

тем более что нерест лосося, когда река буквально кипела стаями, уже закончился и теперь только изредка можно было видеть небольшие скопления рыбин.

Чужую острогу нельзя было взять даже у их сородичей, за такое могли поколотить, причем очень сильно. Любые орудия, особенно остроги и копья, изготавливались с большим трудом и ценились очень дорого. За одну острогу нужно было отдать бусы из медвежьих зубов или два каменных ножа. Но дороже всего ценился кремень, которым высекали огонь. Такой кремень был один на весь род, и за него соседи не пожалели бы трех убитых оленей и двух десятков острог, но никто не согласился бы на такой обмен, потому что искрящийся камень не встречался в этих краях.

Весен десять назад по реке к ним прибило плот с седым желтокожим стариком с узким разрезом глаз и без единого зуба. Старик был еле жив от голода и что-то бормотал на непонятном языке. Должно быть, его несколько дней несло по реке, вздувшейся весной от половодья, а старик был слишком слаб, чтобы добраться до берега вплавь.

Тогда глазеть на незнакомца собралось все племя. Среди Камышовых Котов редко кто доживал до старости, чаще всего умирали, не дожив до седых волос. Вначале мужчины наставили на непрошеного гостя копья, но потом, увидев, что он не опасен, опустили их. Желтый человек что-то повторял на чужом языке и показывал на рот – просил есть.

Яргле, отец Агама, пожалев, накормил старика и пустил

его к костру в своей пещере. Тогда был сезон хорошей охоты и дичи было много.

Чужак через несколько недель поправился и научился кое-как изъясняться на их языке. К тому времени к нему привыкли и не возражали, чтобы он остался. Возвращаться в свое племя старик не стал, потому что это было опасно, да и силы у него были не те.

Тогда путешествия были связаны с риском. Вверх по течению жили несколько враждебных племен, которые могли убить незнакомца, да и хищников в прибрежных зарослях хватало. Агам еще помнил этого старика, хотя тот умер за год до отца. Маленьким он проводил с ним много времени. Желтокожий чужак научил мальчика немногим словам из своего родного языка, а также показал, как вырезать фигурки из дерева обломком каменного ножа. Перед смертью старик оставил Яргле кремьень, которым можно было высекать огонь.

После того как отец Агама погиб, этот кремьень остался в его семье как самая большая их ценность: больше у них ничего не было, кроме пары старых шкур и остроги. Кремьень не раз хотели у них отобрать или украсть, но Рынна его спрятала в укромное место.

Как-то Агам, проснувшись ночью, увидел, как мать, тревожно озираясь, разгребла в углу пещеры траву и сунула руку в щель, скрытую сухой травой и камнями. Мальчик догадался, что там она прячет кремьень.

Когда острога пропала и они стали голодать, Рынна не ру-

гала сына, а с грустью сказала, что, вероятно, им все же придется обменять кремь и тогда у них ничего не останется в запасе на случай зимнего голода.

Понимая, что лишиться кремня они не могут, потому что без него им не пережить зиму, Агам стал делать новую острогу. Девятилетняя Омра крутилась рядом, пытаясь найти для брата маленькие камешки с острыми краями, необходимые для изготовления зубцов на остроге.

Уже довольно давно люди поняли, что совсем не нужно искать большой кусок подходящего камня, чтобы сделать нож, пилу или гарпун. Большие камни годятся только на охотничий топор, которым оглушают раненую дичь, а для наконечников стрел или кинжалов они не подойдут. Чаще всего Камышовые Коты вообще не делали наконечников, а просто брали прямые стебли сухого прошлогоднего камыша, полые внутри, и вставляли в пустоту для утяжеления небольшие прямые палочки. Вместо наконечника у таких стрел был продольный срез камыша, острый настолько, что, зазевавшись, им можно было проткнуть насквозь ладонь. Правда, такие стрелы легко ломались и на крупную дичь не годились, но для птицы были в самый раз, потому что летели далеко и прямо.

Отец Агама внешне отличался от соплеменников. Лоб у него был значительно выше, чем у остальных, надбровные дуги, очень развитые у отца Уюка Уа-Аяха, у Яргле были почти незаметны. Он так выглядел потому, что его мать, ба-

бушка Агама, была похищена из далекого маленького племени, расположенного вниз по течению реки. Жен Камышовые Коты обычно выбирали не из своего племени, где все связаны родственными узами – были двоюродными, троюродными сестрами и братьями, а чаще всего воровали их из соседних племен. Впрочем, и соседи не оставались в долгу: только прошлой осенью у Камышовых Котов украли сразу двух молодых женщин, которые собирали корни на дальней поляне.

Возможно, племя, из которого дед Агам похитил свою жену, стояло на полтысячелетия выше по своей эволюции и обладало большими навыками. Эти умения передались Яргле и в какой-то степени его сыну. Мальчик помнил, что раньше отец часто показывал ему, как нужно обтесывать камень или выпрямлять ствол молодого дерева для того, чтобы сделать древко копья или лук.

В это утро после поисков в ближайшем лесу Агам нашел прямую крепкую ветку, негнилую внутри, длиной примерно в пять локтей. Кору с ветки он счищать не стал, потому что знал, что, очищенная, она быстрее высохнет и сломается. Кору он снимет потом, когда острога будет полностью готова, а свежие срезы обмажет специальной вяжущей глиной и высушит над костром, как это делал отец.

– Агам все уже сделал? – спросила Омра. – Агам теперь будет привязывать к остроге камень или рыбью кость?

Мальчик понял, что сестра имела в виду. К наконецни-

ку остроги привязывались или просто защемлялись длинные острые кости большой рыбы, а иногда даже не рыбы, а олени или кабаньи, заостренные, с вырезанными зубцами и прокаленные на костре.

Такое орудие было вполне надежным, но недолговечным. Кости часто ломались, к тому же с ними острога летела бы не так далеко и не точно в цель, потому что кости были слишком легкими. Агам же хотел сделать совсем другую острогу – хоть и с костяным наконечником, но каменную, такую, как была у его отца. Каменную острогу сделать сложнее, но, если мальчику удастся, орудие будет служить намного дольше.

Теперь предстояла самая ответственная работа – так называемое скалывание. Камышовые Коты знали, что для того, чтобы изготовить хорошее орудие, не следует искать единственный камень нужной формы. Гораздо выгоднее откалывать от больших камней-ядрищ пластинки требуемой величины и остроты или расщеплять большие ножевидные пластины на мелкие. Полученные мелкие кусочки нужно вставить в костяную или деревянную основу, проделав в ней желобок, а потом укрепив их с помощью смолы. Этот способ, во-первых, сэкономил много времени, а во-вторых, что было удобно, позволял использовать при изготовлении орудий такие прочные и острые камни, как полудрагоценные халцедон и агат.

Агам сел на берегу реки, нашел несколько подходящих камней и, ударяя ими друг о друга, стал отбирать самые ост-

рые кусочки, чтобы потом вставить их в древко. Для лезвия гарпуна он нашел крепкую оленью кость, заострил ее и вырезал в ней несколько глубоких борозд, которые, застряв в добыче, не дали бы гарпуну выпасть.

Острога получалась просто замечательной, и даже маленькая Омра, которая все время крутилась рядом и шептала под руку заклинания, подражая колдуну, это понимала. «Чтоб острога была острой, чтобы рыбу убивала, пусть острога будет меткой, чтобы в цель она летала...» – бормотала девочка, и брат усмехнулся, как складно она пела. Разумеется, Агам не знал, что такое рифма, как не ведала об этом и Омра, но он чувствовал, что слова складно перекликаются, и это ему было приятно.

Но неожиданно девочка замолчала на полуслове, а потом вскрикнула. Кто-то сзади крепко схватил ее за перевязанные плетеным ремешком волосы и дернул. Агам и Омра увидела Уюка, который смотрел на них и хохотал. Он весь день слонялся по берегу без дела, приставал к младшим и мешал им. Отец и старшие братья лодыря были хорошими охотниками, мяса в их пещере было много, и Уюку ничего не приходилось добывать самому. Он не умел охотиться, плохо стрелял из лука и не смог бы сам смастерить даже каменный нож.

Мать Уюка, Гырка, толстая дебелая женщина, очень скандальная и злая, больше всех любила своего младшего сына и держала его под крылышком. Многие проделки сходили Уюку с рук, потому что его род был сильным, в нем было

много взрослых охотников и никто из соплеменников не хотел с ними связываться.

В пещерной иерархии самое высокое место занимала та женщина, у которой было больше, чем у других, взрослых сыновей, защищавших ее. Такая женщина часто кричала, ругалась, могла подраться и постоянно оскорбляла других соплеменниц, называя их «пусточревыми», «худобрюхими». «Я толстая, муж и сыновья у меня хорошие охотники, а ты тощая, значит, у тебя в роду плохие охотники!» – часто кричала она кому-нибудь из жен.

Если же у женщины не было защитников – сыновей или мужа – или были одни только дочери, то ее жизнь становилась тяжелой, как у овдовевшей Рынны. Положение ее осложнялось еще и тем, что она тоже была похищена из соседнего племени, а следовательно, не имела среди Камышовых Котов родных братьев и других родственников – мужчин, которые могли бы за нее заступиться.

Ее детей, Агама и Омру, пользуясь тем, что они не могли отвечать, часто обижали и называли «приблудными», «детьми обезьян» и так далее, изоощряясь в зависимости от фантазии обидчиков. «Я вырасту, стану сильным и убью всех наших врагов! Женюсь на их женах и буду приносить тебе и Омре много мяса и дичи», – иногда говорил мальчик, когда видел, как мать плачет от обиды. Рынна улыбалась сквозь слезы и говорила: «Тогда расти скорее, только пока об этом никому не говори, чтобы тебя самого не убили, ты еще не

вошел в силу».

Но это было давно. Сейчас Агам был самым сильным и ловким из всех подростков племени, которым уже исполнилось четырнадцать весен. Никто не мог сравниться с ним в умении бегать, плавать и стрелять из лука.

Уюк, на полторы весны старше Агама, массивный и плечистый, как его отец и братья, смотрел, как тот делает острогу, и насмехался над ним:

– Разве эта острога? Это просто сухая палка! Ею не убить даже дохлого рака! Вы как были голобрюхими, так и останетесь!

Мальчик долго сдерживался, ничего не отвечая, ожидая, пока обидчик уйдет. Он знал, что если ответит Уюку, то тот долго не отстанет.

Но Уюк явно нарывался на драку, уверенный в своей силе. Он стал выбивать из рук у мальчика мелкие камни, которые тот вставлял в острогу.

– Агам трус! – закричал он громко, чтобы все слышали. – Агам не осмелится дать сдачи Уюку! Агам трус и сын труса! Его отец не погиб на охоте, как должен погибать настоящий мужчина, а умер у костра!

Почетной смертью у Камышовых Котов считалась только гибель мужчины в бою или на охоте от клыков, рогов и копыт диких зверей. Смерть же от болезни или старости считалась позорной, недостойной воина.

Настоящий мужчина должен умереть с копьем или с ка-

менным топором в руке, потому что иначе Высший Дух, Тот, Кто Зажигает Солнце, говорил колдун, не примет его в свое царство. Поэтому умершим не в бою в руки все-гда вкладывался топор или каменный нож, чтобы Высший Дух знал, что это были мужественные воины.

А отец Агама погиб от несчастного случая, сломав ногу, и это считалось непочетным. Хотя все знали, что Яргле был смелым охотником, но помнили, что он умер у костра, а не в схватке со зверем, и это тоже влияло на отношение к его детям и жене.

Видя, что Уюк не собирается отставать, а продолжает дразнить его, Агам встал и, взяв сестру за руку, пошел к лесу. Уюк обогнал их и загородил им дорогу.

– Твой отец был плохим воином и умер как трус!

– Мой отец не был трусом! – твердо сказал мальчик, крепко сжимая руку Омры.

– Твой отец умер у костра! И ты тоже трус, ты даже не сможешь защитить свою сестру! – Уюк схватил Омру за плечо и толкнул ее так, что она упала. Девочка заплакала.

Это переполнило чашу терпения даже спокойного Агама. Он мог еще не обращать внимания на слова, но, если обижали Омру, он сносить не намерен. Все вскипело у него внутри, и перед глазами замелькали красные полосы. А тут еще обидчик стоит напротив и насмешливо смотрит на него. Понимая, что в борьбе ему с ним не справиться, потому что тот больше и тяжелее, Агам ударил его кулаком в живот. Уюк

набросился на него, вытянув вперед руки и стараясь схватить его за горло, но мальчик отскочил в сторону и подставил противнику подножку. Тот растянулся на земле носом вниз, но быстро вскочил.

Рядом послышался смех: Роса, четырнадцатилетняя девочка, которая нравилась Агаму, смотрела на них и смеялась. У Росы были длинные светлые волосы, синие глаза и чуть вздернутый нос. Она была сильной и ловкой, хорошо лазила по деревьям и знала много съедобных кореньев. Когда они с Агамом где-нибудь случайно сталкивались, то мальчик краснел и старался не смотреть на нее, а она смеялась, но не уходила, а стояла, наблюдая за ним. Наверное, Агам тоже нравился девочке.

Но Роса нравилась и Уюку. Он иногда часами ходил за ней, надоедая, хвастаясь своими братьями, и говорил, что когда он пройдет обряд посвящения в мужчины, то возьмет ее в жены, а она будет носить за ним его копья и добычу. Но Росе Уюк не нравился: он был грубым и неуклюжим, а вдобавок очень жадным – никогда ничего не дарил ей, даже амулета из волчьего зуба, который ей однажды сунул в ладонь Агам. Теперь этот амулет висел у девочки на шее, и когда она смотрела на него, то вспоминала о скромном приятеле.

– Уюк растянулся на земле, как ствол дерева! – крикнула Омра, у которой был бойкий язычок. – Уюк не воин, а девочка, которой нужно собирать коренья!

Роса снова расхохоталась. Сообразив, что она смеется над

ним, Уюк совершенно рассвирепел. Он схватил с земли какую-то палку и бросился на врага, крича, что переломает ему все кости.

Агам понял, что дело плохо. Конечно, можно было убежать, но тогда Роса и Омра решат, что он трус. Но если он побьет Уюка, тот может пожаловаться матери или старшим братьям, и тогда Рынке придется совсем плохо.

Но решать было поздно: Уюк занес палку над головой Агама. Мальчик резко вскинул вверх руки, держа свою острогу, и палка опустилась на ее древко, а потом сильно ударил противника в плечо тупым, без наконечника, краем остроги. В нем был небольшой сучок, который зацепил Уюку плечо, оставив на коже неглубокую царапину.

Неприятель оказался трусом и боялся крови. Он выронил свою палку, заплакал и, крича, что Агам хотел заколоть его и что он все скажет матери, помчался в свою пещеру.

– Ты меня еще запомнишь! Тебе мои братья череп пробьют! – закричал он, обернувшись.

Роса перестала смеяться. Она очень сочувственно смотрела на растерянного друга.

– Теперь родня Уюка станет вашими врагами, – сказала она очень серьезно. – Тебе не надо было этого делать.

– Я не хотел, просто на остроге оказался сучок. От такой пустяковой царапины никто не умирал, – оправдывался Агам. Он понимал, что натворил и какие неприятности ждут его семью.

Неожиданно Роса шагнула, быстро дотронулась своей щекой до щеки приятеля, а потом повернулась и убежала.

– Мне пора отнести коренья! Мама ждет. Нужно кормить младших братьев! – крикнула она.

У Камышовых Котов не были приняты поцелуи, и они просто прикасались щеками в знак доверия. И теперь Агам стоял, покраснев, как сваренный рак, а Омра подпрыгивала рядом, становилась на цыпочки, вертелась и старалась заглянуть брату в глаза.

– Что она сделала? Она тебя укусила? – допытывалась она.

– Нет.

– Раз не укусила, тогда ты ей нравишься и ты, когда станешь воином, сможешь жениться на ней! – решительно заявила девочка. Она хоть и была маленькой, но постоянно крутилась около взрослых женщин, слушала их разговоры и кое-что начала понимать.

Агам отошел за большой камень в стороне от пещер, где у него была секретная укромная лазейка, о которой знала только Омра, и стал доделывать свою острогу. Он думал об Уюке и о том, что теперь у них с матерью могут начаться серьезные неприятности. Вряд ли, конечно, братья и отец Уюка, взрослые охотники, которые знают, как выглядят настоящие раны от медвежьих когтей или ударов копыт лося, придадут значение ничтожной царапине, но мать Уюка, толстая грубая женщина, которую боится половина племени и которая нянчится со своим недорослем и не разрешает ему

даже охотиться, может всерьез отравить жизнь Рынне.

Агам закончил затачивать острие своего гарпуна и взвесил его на руке – кажется, получилось что надо. Еще несколько зазубрин – и ни одна рыбина не соскочит, будет чем накормить мать и сестру, пока в реке остался лосось. Нужно только проверить, как гарпун полетит и будет ли точным бросок, хорошее ли древко он подобрал и не нужно ли еще больше утяжелить его конец с помощью каменных осколков.

Ждать ему пришлось не очень долго, вскоре рядом в воде показалась тугая горбатая спина рыбы. Агам размахнулся, перехватил гарпун за середину древка и бросил его в лосося. Он попал в цель, и рыбина рванулась, вспенивая хвостом воду. Мальчик видел, как древко гарпуна торчит в рыбе, мечущейся из стороны в сторону. Вскоре обессилевший лосось перестал биться, и Агам, прыгнув в воду, вплавь добрался до остроги и вытащил рыбу на берег. Она была тяжелая и большая – около трех локтей в длину. Вполне хватит на сегодняшний обед и даже на половину завтрашнего дня, если запечь ее в углях костра.

Довольный сделанной острогой, которая его не подвела, Агам пошел к их пещере, неся гарпун, а сзади Омра с важным видом, подражая женщинам, которые сопровождают мужей и братьев с удачной охоты, тянула на плече рыбину, хвост которой бил ее по спине.

– Рынна, я сделал новую острогу и добыл лосося! – крикнул мальчик, заглядывая в пещеру.

Но мама почему-то не ответила, а продолжала, сидя у костра, раскачиваться.

Лицо ее распухло от слез.

– Здесь только что была Гырка. Она заявила, что мой сын хотел убить Уюка острой и сегодня вечером на совете племени, когда мужчины вернутся с охоты, она будет требовать, чтобы моего сына изгнали из племени.

– Но я ударил его не острием остроги, а только древком! Царапина пустяковая! – возразил Агам.

– Род Уюка имеет большой вес на совете, они вполне могут настоять, чтобы тебя изгнали, хоть ты еще и не прошел обряда посвящения в мужчины. Все будет зависеть от того, чью сторону примет вождь, а ведь его жена – родная сестра Гырки, – сказала Рынна.

Мальчик вспомнил, что существует закон, по которому члены племени не могут применять друг против друга оружие. Правда, закон этот нередко нарушался, и взрослые мужчины убивали друг друга в стычках, но если победитель храбр и силен или принадлежит к влиятельному роду, то закон, разумеется, обходят и все делают вид, что никакого кровопролития не произошло, а убитый сам случайно натолкнулся лбом на каменный топор или нечаянно упал на копье. Но если применивший оружие из слабого рода или если вождь примет сторону потерпевшего, то напавший может быть наказан смертью или изгнанием.

Обычно взрослые снисходительно относились к дракам

мальчишек и не считали ссадин, но тут случай особый. Оба, и Агам и его мать, знали, что вождь – двоюродный брат Гыр-ки, а его жена – сестра, а мать Уюка очень мстительна. К тому же она давно ополчилась на Рынну за то, что та не отдала ей камень и спрятала его. Гырка не раз врывалась к ним в пещеру, когда в ней никого не было, и хотела украсть камень, но найти его не могла.

Теперь она и ее ноющий отпрыск, конечно, сделают все возможное, чтобы уговорить вождя изгнать Агама из племени, а вождь стар и, чтобы удержаться у власти, избегает ссор с влиятельными родами, делая все по их указке, не говоря о том, что с Гыркой его связывают родственные узы.

Агам понимал, какие серьезные тучи над ними сгустились.

– Ты должен пойти к колдуну и поговорить с ним! Если он захочет, отдай ему камень, – твердо сказала Рынна и вложила мальчику в руку высекающий огонь камень. – Если колдун сегодня вечером не примет твою сторону, тебя изгонят из племени, а это почти верная смерть.

Мать говорила сдержанно, но сын понимал, что она волнуется. В пещерные времена человек относился к смерти спокойно, так как она всегда была где-то рядом. Почти каждую зиму мор и голод уносили до четверти всего племени, и самые слабые, чаще всего дети, женщины и старики, умирали. Мужчины же погибали на охоте или от полученных ран, на них часто нападали соседние племена или охотники за

женами, и тогда в междоусобных стычках многие воины находили свою смерть.

Редко кто доживал до сорока весен, а если кто-нибудь успевал достичь сорока пяти или пятидесяти весен, то это считалось редкой удачей.

Самым старым в племени был колдун, ему было более пятидесяти весен, и никто даже не помнил, когда он родился. Некоторые говорили, что колдун общается с Духами Огня и Воды, что он разговаривает с медведями на их языке и сам иногда превращается в медведя. Кто-то в это верил, кто-то нет, но все побаивались его и приходили к нему с подарками и подношениями, когда кто-нибудь заболел или долго не было добычи.

Колдун нашептывал заговоры, прыгал вокруг костра, давал больным какие-то травы, от которых они иногда поправлялись, а иногда нет. Если они умирали, то колдун говорил, что Дух Смерти взял свое, и при этом важно хмурил брови и оглядывался куда-то в темный мрачный угол своей пещеры, где лежали черепа – волчьи, медвежьи, оленьи, человеческие – и висели пучки сухих трав.

Колдун умел предсказывать погоду и когда начнется нерест лосося. Если рыба долго не шла, то опять шли к колдуну, он крутил над головой камень на веревке, издававший свистящий звук, надевал вывернутую медвежью шкуру и что-то кричал, призывая Духа Реки послать им рыбу. Иногда после этого лосось действительно появлялся, и тогда это

была заслуга колдуна. Если же рыбы не было, то все знали, что Дух Реки прогневался на племя за то, что ему давно не приносили жертв.

Колдун жил в верхней пещере, в которую долго нужно было подниматься по горной тропинке. Он не охотился и жил один, но почти каждый день кто-нибудь из племени приносил ему еду и добычу, стараясь задобрить или заручиться его поддержкой в чем-либо.

– Иди к колдуну! – повторила Рынна. – Иди, или сегодня вечером тебя изгонят! Расскажи ему все и попроси его спуститься на совет и поддержать тебя.

И она вытолкнула сына из пещеры. Солнце давно перевалило за полдень, и диск его стал красноватым. Должно быть, ночь будет холодной.

Еще раз оглянувшись на свою пещеру, где рядом с матерью стояла Омра, и увидев, что они машут ему, Агам быстро пошел к верхней пещере.

Когда он уже входил в лес, то оглянулся на стойбище, над которым поднимались дымки костров, и ему почему-то стало грустно.

Неожиданно из леса донесся волчий вой и злобное рычание. Волки гнали добычу где-то совсем близко, и Агам настоятельно приготовившись влезть на дерево, чтобы не быть разорванным разгоряченными хищниками или не попасть на рога преследуемому стаей лосю, который в таких случаях несется, ничего не видя вокруг...

Глава II

Пещера колдуна

Был только один шанс из двухсот миллиардов, что такое может произойти. И вот этот шанс выпал. Петля времени стягивалась, расстояние между двумя противоположными ее концами суживалось. Звезды приняли то единственно возможное для перемещения положение, которое бывает раз в сто тысяч лет, и созвездие Ориона словно раздвинулось, еще больше сблизив кольца спирали. Теперь требовалось только совмещение пространственных координат, и то, что должно было произойти всего только один раз за историю человечества, случится...

Вася Матвейщиков возвращался с тренировки по айкидо. Принято считать, что в айкидо нет атакующих действий, а есть только использование силы противника против него самого, когда сам противник бывает побежден собственным натиском. На самом деле в айкидо есть и атакующие приемы, есть захваты и броски, просто большинство из них строится на контратаках.

Но часто начинающие спортсмены вроде Васи забывали об этом и начинали в спаррингах размахивать кулаками. Вот и сейчас на скуле у Матвейщикова набухал средних размеров синяк – подтверждение, что не всегда ловкость побеждает

силу, иногда бывает и наоборот.

Впрочем, Вася Матвейщиков относился к синякам философски, гораздо более спокойно, чем его родители. Мама когда-то мечтала сделать из сына музыканта, потому что сама в детстве играла на фортепиано, а папа хотел приобщить отпрыска к науке, так как сам был физиком, но Вася не оправдал их надежд. Музыкальную школу он бросил, не желая учить скучные гаммы, а из физики помнил только, что существует закон тяготения, из-за которого предметы падают на землю, и что какого-то Ньютона шарахнуло по голове яблоком, после чего он открыл этот закон.

Васе Матвейщикову было тринадцать лет, и он учился в седьмом классе. К поступлению в институт его было еще рано готовить, и родители смирились с тем, что сын не станет великим музыкантом или гениальным физиком, и следили только за тем, чтобы количество троек в его дневнике хотя бы примерно равнялось количеству четверок. Пятерка же была у нерадивого ученика редкостью, а если он и получал иногда высший балл, то это была случайность.

И вообще Вася был довольно заурядным мальчиком. Он не побеждал на математических олимпиадах, не писал блестящих сочинений, да и в спорте не делал особенных успехов, о чем свидетельствовал фингал под глазом.

Автор был удивлен, когда Вася стал героем его книги, но героев не выбирают. Именно этот семиклассник, и никто другой, вскоре оказался в центре удивительных и необъяс-

нимых событий, и с ним случилось такое, что не происходило *никогда ни с одним мальчиком в мире*, будь тот хоть тридцать тысяч раз отличником и гением.

Тренировка закончилась в половине шестого, но Васе не хотелось сразу идти домой, потому что он знал, что мама немедленно засадит его за уроки, а папа, если уже вернулся с работы, захочет заглянуть в дневник сына и будет неприятно удивлен, увидев две тройки подряд по своей любимой физике. А когда отец убеждается, что его наследник – лентяй, то может устроить хорошую взбучку.

Одним словом, домой Вася решил пока не спешить, тем более что на улице стоял уже конец апреля и темнело позже. Вначале он забрался на чердак пятиэтажного дома, где внизу, на первом этаже, размещался загс, и смог сверху окинуть взглядом окрестности своего родного города Уфалея.

Обычно герои книжек живут почему-то в столице, в Москве, или, во всяком случае, в Петербурге, и может создаться впечатление, будто во всех остальных городах не происходит ничего интересного. На самом деле странные и невероятные события происходят везде, и надо только суметь их увидеть, а для этого необходимо оказаться *в нужное время в нужном месте*.

На этот раз невероятным событиям суждено было произойти в уральском городе Уфалее, и случилось это 25 апреля примерно в восемь часов вечера... Впрочем, обо всем по порядку.

Вася побродил немного по чердаку, где было полно всякого мусора и голубиного помета, и поглазел сверху на длинную свадебную «Чайку», которая в эти минуты привезла в загс очередных новобрачных и их принаряженных свидетелей.

Мальчику захотелось сделать что-нибудь необычное, например, сбросить им на головы наполненный водой пакет, но он раздумал, во-первых, потому, что у него не было пакета, да и воды тоже, а во-вторых, за это вполне могли отлупить.

Вася спустился с крыши и побродил по двору. Там он наткнулся на своего одноклассника Игоря Семенова, который играл «в ножички» ржавым напильником. Занятию этому, хотя и не высокоинтеллектуальному, предавались с увлечением мальчишки всех поколений, и наш герой, разумеется, присоединился к приятелю. Каждый начертил себе «землю», а потом они стали, втыкая напильник, прочерчивать себе шляпки и завоевывать друг друга.

В этот день Васе везло, и он проявлял просто чудеса меткости. Он вонзал напильник всеми возможными способами: и «солдатином», и «парашютиком», и «танком», и с колена, и с закрытыми глазами – и довольно скоро захватил такой кусок земли Игоря, что тот не мог поместиться на ней даже на цыпочках, а это значило, что он проиграл.

– Эх ты, шляпа! – покровительственно сказал Матвейчиков, метким броском вонзая напильник в деревянный забор. – В пещерные времена такого, как ты, сразу бы убили.

– Тебя бы еще быстрее убили, очень уж ты нарываешься, – обиженно сказал Семенов.

Надо сказать, что Игорь тоже не отличался какими-либо выдающимися способностями, хоть и учился на четверки и пятерки.

– Меня бы убили? – обиженно воскликнул Вася. – У меня коричневый пояс, и я сумел бы справиться с любым нападающим. Главное не сила, а ловкость и быстрота реакции. Я бы сумел увернуться и от копья, и от палицы, и от нападения хищника и использовать силу противника против него самого.

– А синяк у тебя откуда, если ты такой мастер? – ехидно спросил Игорь, считая свой аргумент неотразимым.

– При чем тут синяк? Просто ситуация была такая, – пожал плечами Вася. – Мы с Лешкой отрабатывали прямой удар кулаком в голову и уклон. Он должен был ударить на счет «три», а я – уклониться и заблокировать. А он ударил неожиданно на счет «два». Вот я и не успел отклониться.

– А дикарь с дубиной или тигр тоже, по-твоему, будут нападать на счет «три»? Они тебя прихлопнут так быстро, что ты и до одного не досчитаешь! – поддел собеседника Семенов, и на его лице была такая злорадная ухмылка, что Васе захотелось опробовать на нем парочку приемов.

Но он сдержался только потому, что увидел на противоположной стороне улицы Ленку Григорьеву, девчонку из своего класса, которая, не глядя в их сторону, шла куда-то вме-

сте с мамой. Васе нравилась эта девочка, хотя пока его симпатия проявлялась лишь в том, что однажды он окатил ее из водяного пистолета, а потом заявил: «Лен, а Лен, а ты в меня влюбилась!» – на что та ответила холодным и презрительным молчанием.

Матвейщиков хотел и сейчас крикнуть ей что-нибудь этакое и выразить свое внимание вопросом, например: «Эй, Ленка, куда ты потащилась?» – но, так как девочка была не одна, а с мамой, он только проводил их взглядом. Игорь Семенов куда-то исчез, и Вася не стал его разыскивать. Домой ему идти все еще не хотелось, и он направился на большой пустырь на склоне холма недалеко от своего дома.

Уфалей стоит у подножия двух гор в своеобразном каменном мешке, и это приводит к тому, что в безветренную погоду дым от заводов плотно висит над городом. Зато, в качестве компенсации, если ваш дом расположен где-нибудь около горы, то можно наблюдать, как из-за ее верхнего склона внезапно появляется, словно выкатывается, оранжевое солнце.

Если бы Вася пошел сейчас домой, а не на пустырь, на котором валялись обломки кирпичей, старые автомобильные шины, битые стекла и прочие следы человеческой цивилизации, то ничего не случилось бы и не было бы не только этой истории, но и нашей книги.

Но мальчик уселся на пустыре, внизу склона холма, у весеннего ручья, который, журча, нес талые воды. Думая о Лен-

ке, о занятиях айкидо, он вспомнил и об уроках, которые ему, как это ни грустно, все-таки придется сегодня делать. Вася размышлял о том, как хорошо жилось когда-то много тысяч лет назад, когда не нужно было ходить в школу, не было этих противных училок и дневников с тройками. Сиди себе спокойно где-нибудь в засаде и поджидай пещерного медведя или саблезубого тигра, а надоест – лови рыбу. Рыбы-то тогда было навалом, не то что теперь, когда в реках почти один мазут.

Внезапно, это произошло действительно неожиданно, мальчик увидел, как пространство перед ним, где звенел ручей, как бы сместилось и прямо в воздухе открылось окно. Ручей наложился на какую-то скалу с торчащим из нее чахлым кустом. Если вы когда-нибудь сняли случайно два изображения на один кадр, то можете представить себе, что получится на фотографии.

Вася от удивления едва не свалился с бревна, на котором сидел. Что-то непонятное продолжалось несколько мгновений, а потом пространственное окно как бы заколебалось и начало сворачиваться.

Но раньше, чем оно совсем закрылось, мальчик почему-то встал и сделал шаг вперед, оказавшись в самом центре образовавшейся дыры. Вася не почувствовал ни удара, ни толчка, его не закружило на месте и не сбilo с ног, просто мгновенно он ощутил легкое сопротивление пространства, будто прошел сквозь какое-то прозрачное зеркало и оказался

по другую его сторону. Впрочем, длилось это всего секунду, а потом ощущение преграды пропало. Окно сомкнулось за спиной Васи, и то, что могло случиться в человеческой истории лишь однажды, произошло...

Наш герой оглянулся, не понимая, почему перед ним вдруг выросла скала, неизвестно откуда возникшая. Он оглянулся, надеясь увидеть свой пятиэтажный дом, но тот исчез. Теперь внизу, петляя, текла широченная река, а сам Вася стоял на узкой полоске молодой травы у подножия высокой скалы.

Совершенно ошеломленный, он сделал несколько шагов вперед. Неожиданно из-под его ног выскочил молодой рыжехвостый лисенок и метнулся в густой кустарник. Вася успел только заметить, что в зубах у лисы был суслик.

«Ну и ну! Ни фиги себе!» – подумал мальчик, поражаясь, как в его городе могла появиться лиса. А вдруг это не Уфалей? И куда исчезли их две горы, и почему в уральском городке, который он знал как свои пять пальцев, неожиданно возникла река невероятной ширины?

«Час от часу не легче, куда это меня занесло?» – растерянно размышлял он, оглядываясь вокруг, впервые видя и эту реку, и склон горы, и пещеры в отдалении, около одной из них клубился синий дымок костра.

«Как бы не потерять сумку, а то завтра в школу, да и от родителей влетит. Разве они поверят про дыру в пространстве?» – встревожился Вася, прижимая к себе сумку с кимо-

но и учебниками.

Где-то в чаще завывали волки, гнавшие добычу, в реке плескался лосось, а какое-то крупное животное – то ли медведь, то ли кабан – с треском продиралось через заросли краснотала к воде.

Если бы только мальчик знал, что до открытия первой школы в Древней Греции еще добрых двадцать семь тысяч лет, а до его рождения почти тридцать тысяч лет, или триста веков, что бы он тогда сказал?

* * *

К облегчению Агама, волки погнались добычу стороной, он успел только заметить среди стволов сосен, как промелькнул бок лося-самца, а за ним в отдалении промчался десяток крупных волков. Лось бежал не спеша, уверенный в своей силе, да и волки преследовали его не очень настойчиво, держась на почтительном расстоянии от его мощных копыт, одним ударом которых лось мог рассечь даже бурого медведя. Агам знал, что самец уходит к болоту, по которому он сможет легко проскочить на своих широких копытах. Скорее всего охота волков закончится безрезультатно, и им придется искать себе другую, более слабую добычу: молодую оленю или дикую свинью с выводком жирных поросят.

По-иному произойдет зимой, когда лось потеряет силы от голода и увязнет по брюхо в глубоком снегу, тогда он станет

легкой добычей для волков, которые набросятся на жертву большой стаей, а потом несколько дней будут пировать.

Нередко зимой охотники из племени Камышовых Котов криками, копьями и камнями отгоняли волков от только что убитого хищниками лося или оленя, а потом, торжествуя, волокли тушу к пещерам по замерзшему руслу реки. Но подобные удачи случались редко, и чаще всего зимой людям приходилось жить впроголодь, потому что река, укрывшись толстым слоем льда, переставала давать им пищу, а глубокий снег мешал пойти далеко в лес на охоту. Тогда приходилось питаться заготовленными с осени ягодами или вяленой рыбой, но этих запасов хватало обычно лишь до середины зимы, а потом племя голодало...

Хоть зима была тяжелым временем, о ней подростку сейчас думать не хотелось. Он шел к колдуну. Для того чтобы попасть к нему, Агам должен был пересечь перелесок, а потом по крутой насыпи подняться на склон горы к верхней пещере. Насыпь образовалась лет десять тому назад от обвала, когда земля стала содрогаться и выбрасывать из проломов камни и пепел, своды одной из пещер осыпались и завалили людей.

Позднее колдун объяснил это тем, что Дух Земли разгневан, так как ему давно не приносили жертв, и он мстит за то, что осенью, незадолго до обвала, один из охотников бросил копье в священного камышового кота. Впрочем, тогда Духа Земли удалось задобрить, бросая туда, где кипела лава, мясо

и соты с медом диких пчел. Люди отнеслись к извержению довольно спокойно. Они часто ссорились то с Духом Земли, то с Духом Реки, то даже с Тем, Который Зажигает Костер Солнца.

С тех пор как отступил последний ледник, прошло около пятидесяти лет и климат стал значительно мягче. Но те, которые пришли издалека и были в дороге несколько месяцев, рассказывали, что с севера наступает новый ледник и движется, каждый год приближаясь на десяток локтей, вырывая с корнем столетние дубы и сосны.

А это означало, что скоро добычи станет меньше и тогда Камышовым Котам или, вероятно, их внукам, в зависимости от того, с какой скоростью подойдет к их территории ледник, придется покинуть пещеры и отходить от ледяного наступления, вплавь или на плотах переправляясь на другой берег реки. Но до этого еще было далеко, и о несчастье редко задумывались. Главное – пережить сегодняшний день и ближайшую зиму, а там будет видно.

Агам поднялся по крутой насыпи, а потом по тропинке, петлявшей вдоль склона горы, и оказался в нескольких метрах под пещерой колдуна. Он понял, что сейчас увидит его, потому что из пещеры доносилось бормотание, прерывавшееся периодическими вскриками. Колдун Торах, тощий старик со сросшимися седыми бровями, совершенно лысый, в одежде из лисьих и волчьих шкур, хотя было тепло, ходил вокруг костра, шепча что-то и бросая в костер клочья шер-

сти. Шерсть обугливалась, распространяя неприятный запах паленого.

– Торах, Агам здесь, Агам пришел! – робко крикнул подросток, подойдя к пещере и осторожно заглядывая в нее.

– Кто пришел? А ну подойди ближе, я не разгляжу! – потребовал старик.

Он бросил в огонь щепотку какой-то травы, мешочек с которой висел у него на поясе, и костер вдруг ярко вспыхнул белым. Агам от неожиданности отшатнулся, убеждаясь в том, что колдун привык общаться с Духом Огня.

– Это ты, мальчишка? – прошамкал Торах. – Чего тебе надо? Из какого ты племени?

Он пристально смотрел на пришедшего своими колкими глазами и недовольно шевелил пустыми губами.

– Я из племени Камышовых Котов, меня зовут Агам, сын Яргле из Рынны.

– Я тебя узнал, Агам, – сказал колдун, подслеповато щурясь. – Это ты тогда приручил камышового котенка?

– Да. Это был я.

– И что стало с котенком? Он умер?

– Нет, он вырос и убежал.

– Зверь, рожденный свободным, должен жить свободным, так хочет Дух Земли, – сказал Торах и что-то забормotal. Потом он сел на камень и нахохлился, как ворон. Его лысина отражала пламя костра. – Я тоже когда-то пробовал приручить волчонка, – сказал старик. – А потом он вырос, и одна-

жды Дух Земли позвал его. Я пробовал удержать его и вот...

Колдун вытянул правую руку, и Агам увидел, что на ней нет указательного пальца. Мальчик посмотрел на свою правую руку, на которой выделялись два глубоких шрама: один – от острого камня, другой – от укуса выдры.

Но пальцы у Агама все целы, их было два, два и один. Пещерные люди умели считать только так: один, два и много... Все, что больше двух, неопределенно называлось: много. Когда нужно точно сосчитать количество тех или иных предметов, например, сколько убито на охоте оленей, то число или показывали на пальцах, или говорили, если, скажем, оленей было семь: одна ладонь, один и один. Одна ладонь означала пять.

– Зачем ты пришел, Агам? – спросил колдун.

Пещерные люди всегда говорили просто, без затей. Главным для них были не слова, а суть разговора. Скажем: «Дай мне свою жену!» – «Не дам!» – «Тогда я тебя убью, а ее заберу!»

Пройдут века, но люди изменятся не так уж и значительно. Пролетят двадцать пять или двадцать шесть тысяч лет, и мушкетеры станут изъясняться в такой ситуации примерно так: «Сударь, не будете ли Вы так любезны разрешить пригласить Вашу даму на танец?» – «Это моя дама, и она будет танцевать со мной!» – «В таком случае, сударь, Вы невежа! И как это ни грустно, я буду вынужден вызвать Вас на дуэль».

– Торах, сегодня после заката на совете меня могут из-

гнать из племени. Гырка, мать Уюка, пригрозила нашептать вождю, – сказал Агам. – Я пришел за твоей помощью, колдун.

Старик строго посмотрел на мальчика и нахмурил брови:
– Что ты такого натворил? Украл у них добычу из их ловушки? Помешал в охоте?

– Я ударил ее сына Уюка острой.

– Поднял оружие на своего! Убил?

– Нет, я ударил его не острием гарпуна, а древком. Я только поцарапал Уюку плечо.

– Сильно?

– Заживет за одну луну, даже следа не останется... – сказал Агам.

Колдун встал и завертелся на месте, так что волчьи и лисьи хвосты на его одежде описывали в воздухе круги. Он что-то забормотал, плюнул в костер, а потом с потрясающей ловкостью, удивительной для такого старого человека, перекувырнулся через огонь, не опалив ни шкур, ни своего лица. Агам со страхом смотрел на прыгающего Тораха, думая, что он или вошел в связь с Духом Огня, прося у него совета, или рассудок колдуна помутился от долгих весен жизни.

Но вдруг старик перестал бормотать и сказал внятно, и поэтому мальчик понял, что тот соображает очень хорошо.

– Род Гырки – очень влиятельный род. Вождь делает то, что ему говорят. Ударив Уюка, ты подул на огонь и разжег пламя вражды.

– Ты поможешь мне? Твое влияние очень велико.

Торах подпрыгнул к Агаму и дотронулся до искусно выточенной из оленьей кости пряжки, которая поддерживала одежду подростка, грубо сшитую из старых шкур костяными иглами.

– Кто это сделал?

На пряжке была вырезана сцена охоты на оленей. Охотники, расставляя ловушки, загоняли животных к обрыву, заставляя их срываться с горы. Сделана пряжка была очень искусно, олени и фигурки охотников были как живые.

– Кто это сделал? – еще раз спросил колдун.

– Агам сделал, – ответил мальчик.

Пещерные люди часто называли себя в третьем лице, хотя в языке их уже начали появляться местоимения.

Торах гневно нахмурился и сжал руку в кулак.

– Агам лжец. Он говорит неправду! Он бы не смог это вырезать!

– Агам всегда говорит правду. Желтолицый старик научил его, когда Агам был еще ребенком. Нужно вырезать картинки маленьким острым осколком камня, но только пока кость еще молодая. Потом она высушивается на костре так, чтобы не слишком раскалилась и не стала ломкой.

Но колдун продолжал недоверчиво смотреть на подростка. Он подскочил к куче шкур в углу и бросил мальчику плоское оленьё ребро, на котором еще осталось мясо. Очевидно, кто-то из Камышовых Котов принес его совсем недав-

но или колдун попросту «одолжил» часть мяса из последнего жертвоприношения.

– Этот олень бегал две луны назад, кость совсем молодая. Сделай на ней рисунок, и Торах узнает, что ты не врешь.

Агам понял, что если сейчас откажется, то старик решит, что он лгун. Поэтому мальчик стал оглядывать пещеру.

– Что ты ищешь? – насмешливо спросил колдун. – Думаешь, я поверю, что ты действительно умеешь резать по кости? Из Камышовых Котов это никто не умеет делать. Резьбой по кости занимаются только те народы, которые живут по левую руку от Того, Кто Зажигает Костер Солнца. Ты или украл эту пряжку, или для тебя вырезал ее тот желтолицый старик, который умер несколько весен назад.

– Агаму нужен острый камень или нож с тонким лезвием, – спокойно сказал мальчик. – Агам умеет делать фигурки, но не может вырезать на кости голыми руками. Если колдун хочет, они с Агамом сходят в пещеру к Рынне, и Агам возьмет тот нож, которым он делал эту пряжку.

– У Тораха достаточно острых ножей.

Старик подошел к выдолбленному в скале углублению и достал из него несколько разной величины ножей.

– Можешь выбрать из них любой, чтобы Агам не мог соврать, что у него нет ножа для резьбы, – сказал колдун.

Мальчик внимательно рассмотрел ножи, больше всего ему понравился самый маленький, в деревянный черенок которого был вставлен кусочек острого камня – агата. Такие

камни встречались редко, но они были намного прочнее, чем обычные, и легко резали дерево и кость.

— Агам возьмет этот нож!

Подросток, скрестив ноги, присел около костра, очистил оленью кость от остатков мяса, задумался на несколько минут, что ему изобразить, а потом стал работать.

Он вырезал на кости нескольких оленей, а рядом — пещеру с костром, около которого прыгал колдун с развевающимися хвостами на одежде.

Хоть у мальчика было совсем немного времени, рисунок получился неплохо, потому что острый агат резал кость намного легче, чем тот затупившийся каменный нож, который был у него в пещере.

Всю последнюю зиму и предыдущую, когда свирепствовал мороз, а вход в пещеру занесло снегом и нельзя было из нее никуда выйти, Агам сидел у костра, поддерживая огонь запасенными поленьями, и вырезал по кости, вспоминая, как это делал желтолицый старик. А Рынна потом выменивала на фигурки, женские украшения и пряжки со сценами охоты, сделанные сыном из кости, немного еды.

Работа была еще не завершена, оставалось подсушить кость на огне, чтобы она не крошилась, когда колдун вырвал пластинку у Агама из рук и стал рассматривать ее. Видимо, он хотел разоблачить мальчика, что тот обманывал, но неожиданно глаза старика округлились, и он едва не выронил кость, но потом сжал ее крепче и стал жадно всматри-

ваться в рисунок, поднеся его к свету костра.

– Этот человек в шкурах – Торах? – восхищенно спросил он. – У Тораха такие же волчьи хвосты, он здесь как живой! А это костер, дым от него поднимается вверх, уходя к Духу Огня! А там кто? Олени? Я вижу одну олениху и одного оленя. Он с рогами и настороженно поднял голову, охраняя самку, а она наклонила морду к земле и пасется, – радовался колдун, как ребенок.

Он что-то бормотал, забыв о мальчике, словно волшебная кость приковала его внимание.

– Я не успел еще закончить оленей, – сказал Агам. – Их надо вырезать еще глубже, а потом я хотел еще изобразить олененка и охотника, который целится из лука.

Тут только старик вспомнил о мальчике и уставился на него пораженно, будто тот тоже был колдуном. Но потом он взял себя в руки и, чтобы не уронить достоинства и не выглядеть потрясенным, сказал спокойно:

– Агам и в самом деле умеет вырезать по кости. Теперь Торах верит ему. Оставит ли Агам колдуну эту кость? Ведь эта кость принадлежала Тораху до того, как он отдал ее Агаму.

«Вот хитрый старик!» – подумал мальчик, но с достоинством ответил:

– Агам дарит Тораху эту кость вместе с рисунком на ней. У колдуна очень хороший нож с острым камнем, им легко резать по кости. Агам может показать колдуну, как резать.

Он сможет его научить.

Старик вначале обрадовался, но потом покачал головой:

– Торах слишком стар, чтобы сделать такой рисунок. Глаза его устали и плохо различают мелкие детали. У Тораха нет пальца на правой руке, и он не сможет крепко держать нож.

– Тогда Агам будет вырезать фигурки из кости для Тораха, если Агама не изгонят из племени, – сказал мальчик, решив, что наступил удачный момент, чтобы напомнить о своей просьбе.

Колдун задумался. Он пытливо посмотрел на мальчика и на дымки стойбища у реки. Их было несколько, и это означало, что мужчины уже вернулись с охоты с добычей, а женщины коптят на огне оленину и кормят детей. Пока рано запасать на зиму сушеное мясо, так что еды сегодня всем будет вдоволь. А когда воины отдохнут после охоты и насытятся, начнется совет племени. А если так, то нужно спешить: вниз путь неблизкий.

– Так что ты скажешь, колдун?

– Торах придет сегодня на совет, – сказал старик. – А пока уходи!

Агам вышел из пещеры и, не оглядываясь, стал спускаться по насыпи. Темнело, он знал, что если сейчас поскользнется о какой-нибудь камень, то сорвется с восьмиметровой высоты на острые скалы внизу.

За спиной мальчик слышал бормотание и вскрики колдуна, потом костер снова ярко вспыхнул белым – наверное, То-

рах опять что-то бросил в огонь.

«Хорошо, что я не отдал ему кремень», – подумал Агам и, внимательно глядя себе под ноги, направился вниз.

Глава III

Совет племени

Вася никак не мог сообразить, где же он очутился, когда шагнул в дыру в пространстве. Он спустился по крутой насыпи к лесу и стал искать какую-нибудь тропинку, чтобы выйти к реке. «Хоть бы кого-нибудь встретить, я бы спросил, где нахожусь», – подумал он. Мальчик крутил головой по сторонам, но, если не считать небольшого дымка, который был виден где-то у реки, ничто вокруг не говорило о присутствии людей.

Вася не раз бывал в лесу и привык, что даже в самой глухой чаще можно наткнуться на подтверждение, что здесь был человек: остатки кострища с брошенным в него мусором и консервными банками; линии электропередач, асфальтовая или грунтовая дорога, срубленные деревья, вонючие бочки из-под солянки...

Этот лес выглядел как-то странно, все здесь было непривычно: чистый воздух, отсутствие мусора, изобилие зверья и птиц, крупных и мелких, из которых мальчику была известна лишь одна треть.

С писком в ветвях промелькнула молнией рыжая белка, спасаясь в дупло от погони горноста. В небе, зорко высматривая добычу, парил орел; невдалеке, пытаясь полакомить-

ся тетеревом, прыгнула рысь, но промахнулась и скрылась в валежнике. А совсем рядом вечный труженик дятел долбил сухой ствол. Издали доносился волчий вой.

Продираясь сквозь бурелом и поваленные стволы старых деревьев, между которыми уже поднималась ввысь молодая поросль, мальчик натолкнулся на широкую тропу. А раз есть тропа, да еще и такая широкая, то, как догадался Вася, она наверняка куда-то ведет. По ней идти было быстрее и приятнее, чем пробиваться сквозь чащу, и он стал спускаться по направлению к петлявшей в низине реке.

Неожиданно где-то позади раздался треск, кто-то шел по тропинке следом за ним.

– Эй, я здесь! Эй! – обернувшись, закричал Вася, решив, что это охотник или лесник, и побежал в сторону доносившихся шагов. Тропинку с обеих сторон окружали заросли деревьев и кустов, поэтому обзор был плохим: мальчик видел всего в двух метрах перед собой.

Треск становился все громче, до Васи донеслось чье-то хриплое дыхание и тяжелая поступь, а потом совсем близко раздался глухой короткий рев.

По тропе навстречу ему шел саблезубый тигр-махайрод до полутора метров в холке и весом около семисот килограммов. Шерсть животного была светлее, чем у современных тигров, и без полос. Махайрод принадлежал к древнему, но уже вымирающему роду. На загровке у тигра были мощные мышцы, и, хотя голова хищника была опущена к земле, Вася

увидел его длинные желтые клыки.

Услышав шаги, тигр удивленно остановился и издал предупреждающий рык. Он был сыт, убил накануне оленя, расправлялся с добычей весь вечер, насытившись, проспал всю ночь и часть утра, потом опять поел, оставив шакалам и волкам объедки, шел теперь к реке на водопой. Живот его раздулся от сытости, и тигру было лень даже прыгать, он шел не спеша, ломая сухие ветви.

Увидев зверя, Вася метнулся в сторону и буквально взлетел на дуб. В те времена, около тридцати тысяч лет назад, основные леса Евразии были дубовыми, и нередко можно было встретить тысячелетний дуб, ствол которого не обхватили бы и сорок мужчин, взявшихся за руки. Но дерево, на которое забрался сейчас Вася, не было старым, это был молодой дуб, за широкую ветку которого мальчик сумел ухватиться и взобраться на нее.

Хищник опять рыкнул и, глядя на странное существо желтыми глазами с узкими зрачками, подошел к дубу. Строение лап саблезубых тигров позволяло им лазать по деревьям и устраивать в ветвях над звериными тропами засаду, но, видимо, сейчас мальчик его не прельщал. Махайрод понюхал брошенную под деревом сумку, толкнул ее носом, потом ударом огромной когтистой лапы сорвал со ствола большой кусок коры. Вася дрожал, соображая, сможет ли он, если понадобится, забраться еще выше.

Но тигр, зарывав и вернувшись на тропу, не оглядываясь,

пошел к реке. Вероятно, запах мальчика и строение его туловища напомнили хищнику обезьян-бабуинов и тех двуногих созданий, которые жили в пещерах у реки и всегда уступали ему дорогу, опасаясь его смертельных клыков.

Саблезубый тигр, контролировавший эту территорию десятков весен, уступал дорогу только мамонтам, которые порою появлялись здесь. Однажды махайрод убил человека, который бросил в него дротиком, оцарапав плечо, но это было давно, и тигр помнил об этом смутно. Хищники обычно убивают, потому что голодны или когда кто-нибудь пытается напасть на них.

Даже после того, как саблезубый тигр скрылся и треск сучьев смолк вдаль, Вася долго не решался спуститься с дерева. Из передачи «В мире животных» мальчик знал, что крупные хищники обычно контролируют каждый свою территорию и один махайрод является хозяином двадцати-тридцати квадратных километров. Поэтому второго саблезубого тигра поблизости быть не должно, но лучше не рисковать: ведь там, где есть такой страшный зверь, наверняка должны быть и другие хищники.

Просидев некоторое время на ветке и сообразив, что не стоит ждать, когда тигр вернется от водопоя, мальчик спустился с дерева и углубился в лес. Постепенно стало смеркаться.

Пока Вася только мог догадываться, где он оказался. Ведь такого многообразия растительных и животных видов,

а тем более саблезубых тигров в его мире быть не могло. Он вспомнил, как накладывалось пространство на пустыре, вспомнил, что почувствовал, когда шагнул в образовавшееся окно, и догадался, что переместился куда-то еще, но вот куда? Неужели в прошлое? Похоже, что в очень далекое прошлое.

По тропинке он уже идти не решался, опасаясь наткнуться еще на какого-нибудь зверя, который будет более агрессивен и голоден, чем саблезубый тигр, и поэтому дальше пошел уже сквозь чащу, ориентируясь на дымок костра. Время от времени, чтобы разглядеть этот дымок, мальчик взбирался на деревья.

Вася давно не ел, да и школьный рюкзак не был легким. Мальчик испытывал искушение забросить эту тяжесть подальше, но опасался, что, если потом сумка ему понадобится, он не сможет ее найти.

Вскоре он вышел к притоку реки. Топкий берег густо порос камышом, из которого доносилось кряканье уток. Стоило мальчику сделать несколько шагов, как утки встревожились, косяком поднялись из камышей и, хлопая крыльями, стали носиться над водой.

Впрочем, не утки сейчас привлекли внимание Васи. На другой стороне притока он увидел скалу из мягкого известняка, а в скале – целый ряд пещер. Возле одной из них золотисто мерцал огонек, а около него были крошечные человеческие фигурки.

«Туристы? А вдруг не они?» – встревожился мальчик. После встречи с саблезубым тигром он теперь ни в чем не был уверен.

Уже стемнело, и над лесом появился полный диск луны. Это несколько успокоило Васю: увидев луну, такую знакомую и родную, он окончательно убедился, что находится на Земле, и на него дохнуло домом.

Когда он подошел к костру, было совсем темно, и мальчика, спрятавшегося за разветвленным стволом старой ивы, никто не заметил. То, что Вася увидел, осторожно выглянув из-за дерева, заставило его моментально отпрянуть и несколько раз глубоко вздохнуть. Он почувствовал, как сердце у него тревожно забилося. Потом, все еще не веря в открывшееся его глазам, мальчик присмотрелся внимательнее.

От большого костра, который со всех сторон, чтобы не задувало, был обложен закопченными камнями, доносился запах жареного мяса. Это был не простой костер, а *пиришественный костер племени*. Огонь в нем поддерживался даже зимой и в дождь – считалось, что он не должен никогда погаснуть, иначе Дух Огня обидится на племя Камышовых Котов.

Над костром, придерживаемая двумя мощными рогатинами из цельных стволов дерева, на копье была насажена туша оленя. Время от времени женщины переворачивали ее, чтобы туша прожаривалась более равномерно.

Пещерный человек в еде не знал умеренности. Привык-

ший к зимнему голоду, летом он ел почти через силу, от пуга, сколько влезет. К осени женщинам и мужчинам нужно было набрать максимальный вес, потому что зимой они худели до такой степени, что кожа обтягивала ребра. И пока не начался нерест лосося, когда река бурлила от спин рыб, люди голодали.

Большинство мужчин и женщин племени так наелись сейчас, что не могли даже встать. Некоторые из них, самые жадные, терлись животами о камни, чтобы освободиться от избытков пищи и потом снова приняться за еду. Способ этот, хоть и не особенно эстетичный, потом будет применяться древними римлянами, утопавшими в роскоши, и чукчами, которые, возвратясь с многодневной охоты на моржей, потом наедаются до отвала.

Теперь у костра голодными остались только старики и женщины из слабых родов вроде Рынны или больные и раненые, которые начинали восстанавливать силы. Пока ели более сильные роды, их не подпускали, а теперь они, озираясь, подсакивали к костру, под насмешливые крики ворохато отрезали себе от оленьей туши кусок мяса побольше, а потом спешили исчезнуть в укромном уголке пещеры.

Так же поступила и Рынна: она отрезала прожаристый кусок мяса и унесла его в пещеру, где ее ждала Омра. Агам все еще не вернулся, и Рынна волновалась, что сына так долго нет, не сорвался ли он со склона в темноте. Она вспомнила, что в прошлом месяце, когда двое охотников возвращались

ночью с горы, один из них неосторожно наступил на камень, поскользнулся и разбился насмерть, упав в пропасть. «Дух Гор не любит тех, кто крадется ночью в темноте, как вор!» – назидательно сказал тогда шаман.

Сам Торах хорошо знал эти места и свободно передвигался по горам даже ночью, изучив скрытые тропинки и спуски.

– Эй, Рынна! Где твой сын? Не думай, что я все забыла! Сегодня на совете я сделаю так, что его изгонят из племени в лес, и дикие звери сожрут его кости, а дух его присоединится к духам изгнанников! Не видать тебе продолжения твоего рода! – кричала Гырка, рядом с которой Уюк, икая от насыщения, ел кусок оленины, и жир стекал по его щекам.

– Агам не ранил твоего сына. Агам только защищался! Всем известно, что твой Уюк обижает всех детей племени, кроме тех, которые родились в одно лето с ним и старше. Их он боится! Уюк трус, хоть и кажется большим! – ответила, не выдержав, Рынна.

– Да как ты смеешь так говорить! Мой сын почти настоящий мужчина, он никого не боится... Твой сын ранил его в спину, подкравшись к нему, когда он спал после охоты! – рассердилась Гырка и, схватив тлеющий уголь, бросила его в Рынну.

– Это ложь! И все это знают! Уюк никогда ни на кого не охотился! – крикнула мать Агама, уворачиваясь от летящего в нее угля. – Твой сын никогда не попал копьем даже в дохлую лягушку.

– Потому что Уюк очень болезненный! Он родился в голодный год! – Гырка прижала к себе своего толстого и неуклюжего отпрыска, всего измазанного оленьим жиром.

Разозленный парень, которому не нравилось, что мать роняет его престиж перед подростками племени, схватил уголь и швырнул его в выглянувшую из пещеры Омру, но промахнулся и попал в одного из мужчин, спавшего у костра. Воин, которому углем обожгло кожу, вскочил и, размахивая топором, гневно заорал, что выпустит кишки тому, кто это сделал.

Уюк быстро спрятался за широкую спину матери и сделал вид, что он здесь совершенно ни при чем.

Вася, осмелев, уже не прятался за ивой, а, скрытый в тени дерева, наблюдал за происходящим с расстояния двадцати метров.

Он видел освещенных светом костра, одетых в шкуры или прикрытых набедренными повязками мужчин, женщин и детей, заметил их деревянные длинные копья с каменными наконечниками, топоры и прислоненные к скале тяжелые луки, на которые вместо тетивы были натянуты бычьи жилы. Искусство изготовления луков и стрел в то время только начало зарождаться, потому наиболее опытные охотники предпочитали им надежные копья и палицы. Хотя, соглашались они, стрела и летит дальше, чем копье, но она не остановит ни хищника, ни оленя, а только разозлит его, заставив или убежать, или перейти в атаку. Стрелы были хороши только

при охоте на мелкую и среднюю птицу, хотя такой промысел взрослые мужчины презирали, считая, что он хорош для подростков, не прошедших еще обряда посвящения в мужчины, и недостойн настоящего воина.

Вася различал отдельные голоса, вслушивался в смех и крики людей. Язык их был, разумеется, совершенно непонятен мальчику, потому что, конечно, первобытное племя не говорило по-русски.

– Пещерные люди, – пробормотал он. – Ну и дела! Куда это меня занесло?

Вася когда-то видел кино про перемещение во времени, но там, чтобы попасть из одной эпохи в другую, нужна была машина величиной с дом, открывавшая вход в другое измерение. Но ведь он не пользовался никакой машиной времени? «А что, если... – от этой мысли мальчику даже стало страшно, – что, если то самое окно в пространстве, которое открылось тогда у ручья, тот прямоугольник, сквозь который просвечивала неизвестная скала, и был входом в иное время?» Теперь Вася уже в этом не сомневался. Итак, он попал в прошлое, причем неизвестно, в какое далекое. Сколько лет еще должно пройти до его рождения? Десять тысяч, пятнадцать тысяч или больше лет? Впрочем, это уже не важно. Как любил шутить его папа, «столько не живут даже черепахи».

Мальчик замерз и проголодался, и ему хотелось выйти к костру, но он не знал, можно ли это сделать и не полетят ли в него камни и копья. Неизвестно, как пещерные люди

относятся к чужакам и не каннибалы ли они. Хотя, с другой стороны, они ведь уже поели...

Где-то недалеко от него загорелись несколько пар желтых глаз и раздался короткий резкий лай. Учувя запах мяса, к костру собирались гиены и шакалы. Они поскуливали и прижимали уши, боясь, что люди закидают их камнями, но голод манил их к костру. На людей эти звери не нападали – опасались, и теперь, когда до них донесся запах Васи, они отбежали от него подальше и залаяли, предупреждая друг друга об опасности. То, что шакалы и гиены его испугались, немного успокоило мальчика, который вначале, увидев их желтые глаза, решил, что вернулся саблезубый тигр.

Кто-то сидящий у костра, раздосадованный протяжным шакальим воем, швырнул в них тлеющий сук, и падальщики трусливо отбежали на безопасное расстояние.

Во время удачной охоты целые стаи шакалов держались поблизости от людей, рассчитывая на объедки с их стола и кости. По ночам, когда племя засыпало, самые смелые шакалы иногда пробирались в пещеру и крали кусок копченого мяса или кость. Случалось, они хватали даже малышей, но громкий детский плач пугал хищников, и они убегали, бросая добычу. Матери на всякий случай на ночь разводили у входа в пещеру костер и прижимали маленьких детей к себе.

Но соседство со стойбищами первобытных племен стаи шакалов было людям даже выгодно. Если какой-нибудь крупный хищник вроде пещерного льва, медведя или саб-

лезубого тигра вздумал бы пробраться к становищу незамеченным и унести сонную добычу, шакалы, встревоженные его появлением, подняли бы такой вой и лай, что люди сразу проснулись бы и взялись за оружие.

Так постепенно начиналось приручение шакалов. Пройдет еще тысяча или две тысячи лет, и люди начнут подбирать шакальих детенышей, и со временем они станут первыми собаками, но еще долго будут дикими и не осмелятся близко подойти к костру. Приручение волков начнется намного позднее, а совсем нескоро потомки прирученных волков и шакалов начнут скрещиваться. До сих пор среди многообразия собачьих пород есть такие (например, сибирские лайки, восточноевропейские овчарки и др.), дальние предки которых – волки, другие же произошли от шакалов.

* * *

Агам вернулся с горы, когда луна взошла на два локтя над вершиной сухой сосны. Совет племени должен был вот-вот начаться. Мужчины, отдохнувшие после охоты и сытно поевшие, собирались вокруг костра. Представители каждого рода держались вместе, а женщины и дети стояли за спинами мужчин.

В племени было двенадцать родов, и каждый род имел своего главу, обычно самого сильного и влиятельного мужчину, имевшего много сыновей и братьев, которые поддер-

живали его. Этот воин имел в совете право голоса и сидел на особом камне, которых всего вокруг костра было двенадцать – по одному на род. Женщины и дети, а также юноши, не прошедшие обряда посвящения в мужчины и не проявившие себя на охоте, голоса не имели.

Совет племени собирался обычно один раз в полную луну, и на нем решались самые важные вопросы: стоит ли сменить стоянку, напасть на соседнее племя или дать ему отпор, какие роды будут делать ловушки и частокол для загонной охоты на оленей и рыть ямы с острыми копьями на дне для мамонтов, если они снова придут сюда летом. На совете решались и более мелкие вопросы: какую девушку определенному воину племя отдаст в жены, при том во избежание надувательств здесь же при всех пересчитывались раковины, ожерелья, каменные ножи и гарпуны, за которые жених выкупал у отца девушку, после чего она становилась полной его собственностью и он мог даже поколотить ее, если бы захотел.

Впрочем, такая жестокость проявлялась крайне редко. Племя Камышовых Котов не было очень жестоким, а если кто-то и хотел наказать жену, то не должен был забывать, что у нее есть братья, которые отомстят за обиду. Исключение составляли женщины, украденные во время военных действий у соседних племен. Те были беззащитны и не могли рассчитывать на помощь своего рода.

Рядом с двенадцатью камнями, в стороне от костра, лежа-

ли еще два больших камня, в которых были вытесаны углубления, напоминавшие сиденья кресел. Эти камни предназначались для вождя и колдуна. Тот, кто осмелился бы на совете занять эти места, бросал вызов вождю и прожил бы ровно столько, сколько летит брошенное копьё.

Вождь племени Медвежий Клык получил это прозвище, когда пятнадцать весен назад один убил огромного пещерного медведя. Это был приземистый, широкоплечий, но уже стареющий мужчина, утративший свою мощь. Он оставался у власти только благодаря поддержке сильных родов, которые опасались, что с приходом нового, более влиятельного вождя они потеряют собственное могущество.

Медвежий Клык, одетый в вывернутую новую волчью шкуру, с ожерельем из тигриных зубов (почти все племя знало, что тигр этот не был убит вождем в бою, а был растоптан мамонтом прошлой весной), вышел из своей пещеры и, остановившись у камня, поднял вверх руку.

За Медвежим Клыком следовала его жена, маленькая костлявая женщина с хитрыми глазами, украшенная ожерельями и раковинами. Все знали, что вождь никогда не принимает никаких решений без нее и что в действительности племенем правит его жена, а не он сам.

Тотчас все голоса смолкли, и слышно стало, как на руках у одной из женщин плачет грудной ребенок. Как только Медвежий Клык вышел из пещеры, к нему подбежала Гырка и стала что-то шептать, злобно показывая на Рынну и Агама.

Вождь нетерпеливо выслушал ее, а потом оттолкнул и сделал ладонью знак замолчать, как бы говоря: погоди, сейчас есть более важные дела. Но Гырка не унималась, продолжая шептать, и тогда вождь кивнул ее мужу Уа-Аяху, чтобы он увел жену, что тот и поспешил сделать, оттащив ее за волосы.

– Начинаем совет племени! – громко сказал Медвежий Клык. – Все ли племя здесь?

– Все, кроме Ястреба и Дурри. Они пошли в дальний лес за лечебной смолой и еще не вернулись! – крикнул кто-то.

– А где Торах?

Медвежий Клык оглянулся на камень колдуна, но тот был пуст. Колдун пока не появился, и вождь нахмурился – всегда этот Торах опаздывает, но они не будут ждать и начнут без него.

– Охотники говорят, что видели в горах воинов из племени Лесных Людей! – начал Медвежий Клык. – Они снова появились, их два раза по ладони и еще одна ладонь. Вполне возможно, что они опять хотят напасть на нас. На этот раз Лесные Люди не одни, с ними еще человек из желтого племени.

– Кто это сказал? – крикнул Уа-Аях, муж Гырки и глава одного из сильнейших родов. – Кто видел их? Возможно, его язык лжет!

– Их видел я! Язык Родраха никогда не лжет! – В круг вступил высокий мускулистый охотник со шрамом, пересекавшим лоб. – Тот, кто говорит, что Родрах лжет, бросает

вызов, и палица Родраха проломит ему голову!

Все знали этого воина, главу рода Куниц, и верили ему. Он всегда охотился в одиночку далеко от пещер и никогда не возвращался без добычи. Если Родрах говорил о чем-то, то он не мог врать.

– Уа-Аях верит Родраху, – примирительно сказал муж Гырки. – Но если Родрах бросает ему вызов, он примет его. Уа-Аях никого не боится!

– Родрах убьет Уа-Аяха! – И смелый воин, вращая палицей, стал приближаться, держась пока на расстоянии.

Уа-Аях приготовил копье и покачивался из стороны в сторону, готовый увернуться от палицы, чтобы самому перейти в атаку. За каждым вождем встали все мужчины его рода, и эта схватка вполне могла перерасти в войну родов.

Жена вождя что-то быстро шепнула ему.

– Хватит! Замолчите и сядьте! Самые сильные роды племени не должны ссориться! – крикнул Медвежий Клык, встав между воинами.

Те опустили оружие, они давно уже ждали, когда их остановят. На самом деле они и не собирались сражаться, просто ни один не желал отступить первым, чтобы не уронить свой престиж и не потерять уважения племени.

– Что ты видел, Родрах? Расскажи всем! – потребовал вождь.

– Я видел Лесных Людей, с ними не было женщин и детей – только взрослые воины. Значит, они вышли на тропу вой-

ны. Они сидели у костра и отдыхали после охоты на наших землях. С ними сидел желтый человек – у него были лук и стрелы с наконечниками из какого-то странного блестящего камня.

– Они не заметили тебя?

– Вначале нет, я спрятался за скалой. Родрах смел, но даже ему не справиться с таким количеством Лесных Людей. Родрах решил, что должен вернуться и рассказать остальным о том, что видел. Но потом под ногой у Родраха сорвался камень. Лесные Люди ничего не услышали, но желтый человек уловил, уши у него очень чуткие, и схватил свой лук. Стрела ударила в скалу близко от Родраха, он даже не знал, что стрелы могут лететь так далеко. Родрах схватил обломок стрелы и скрылся. Лесные Люди погнались за ним, но он бежал быстрее и лучше знал эти горы.

Вождь и старейшины родов внимательно выслушали воина.

– Где эта стрела? Ты принес ее? – спросил Медвежий Клык.

– Вот она. – Глава рода Куниц достал стрелу из шкуры и протянул вождю.

Тот рассмотрел обломок и поднял его над головой, чтобы все видели. Наконечник был из неизвестного Камышовым Котам материала – блестящего, хрупкого, но очень острого. Это был не камень, но что – это никто не знал. Послышались удивленные восклицания.

– Теперь все верят Родраху? – спросил Медвежий Клык. – Верят, что Лесные Люди хотят напасть?

– Все верят! – откликнулось племя. – Мы готовы победить их! Камышовых Котов намного больше, чем Лесных Людей. Мы сражались с ними две весны назад и прогнали их с позором – и сейчас тоже победим. Уши и руки наших врагов станут игрушками детей и прославят доблесть воинов!

– Хорошо. Если мы не хотим лишних жертв, то теперь женщины и дети не должны далеко отходить от стойбища. Его будут постоянно охранять мужчины из двух родов, пока остальные охотятся. Самые храбрые воины завтра смогут собраться, и Родрах поведет их за собой туда, где видел в последний раз Лесных Людей, – сказал вождь и сел на камень.

Племя единодушно загудело. Нападения соседей в те времена не были редкостью и проходили почти каждую весну. Они были настолько привычны, что не пугали даже женщин и детей. Пока племя сильно и едино и в нем много воинов, никто не сможет уничтожить его.

Камышовые Коты не были исключением. Время от времени молодые неженатые воины и часть женатых, которые хотели захватить добычу, собирались группами по три и более ладоней и отправлялись, иногда спускаясь на плотях, далеко вниз по реке. Они отсутствовали порой по несколько недель и даже месяцев, но потом воины возвращались с добычей и пленницами, хотя каждый раз примерно треть их гибла от копий, камней и стрел.

Добыча не всегда была большой. Порой Камышовые Коты вообще возвращались без нее, это зависело от того, сумели ли воины застать соседние племена врасплох, когда большинство его взрослых мужчин было на охоте. Если же они были в становище и готовы к сражению, то, как правило, нападавшим приходилось с боем отступать.

Жена вождя снова что-то зашептала ему на ухо, и тот отмахнулся от нее, как от осы. Но она продолжала что-то нашептывать мужу, то и дело показывая то на Гырку, то на Уюка.

Наконец Медвежий Клык кивнул, видимо, соглашаясь с ней, и снова встал со своего каменного кресла.

– С Лесными Людьми все решено, и хватит об этом! – заявил он, властным движением руки восстанавливая тишину. – На этом совете нам нужно решить еще один важный вопрос. Один из членов племени поднял оружие на другого и ранил его. Это грубое нарушение закона Камышовых Котов, и нарушивший его должен приговариваться к смерти либо к изгнанию.

– Кто нарушил закон? – загудели голоса. – Кто ранен?

– Ранен Уюк, сын Уа-Аяха и Гырки, а закон нарушил Агам, сын Рынны и Яргле. Выйди сюда, Агам, и ты выйди, Уюк.

Агам, опустив голову, шагнул в круг племени к костру, чувствуя устремленные на него взгляды всех собравшихся.

– Да он же подросток, ему еще две весны до обряда посвя-

щения в мужчины! – раздалось удивленное и сочувственное восклицание какой-то женщины.

– Его отец умер не на охоте, а у костра! – прошипел кто-то из родственников Гырки.

– Яргле был храбрым воином, он в одиночку убивал зубра! – крикнула Рынна. – Он умер у костра, потому что сломал ногу, вы все это помните!

Многие действительно это помнили, но не решались выступить против вождя и мстительного Уа-Аяха, который хотел изгнания Агама.

Гырка дернула Уюка за руку и вытащила его в круг. Тот икнул и покачнулся от обжорства, держась за живот.

– Помогите, люди добрые! Бедный мой мальчик, он едва жив после ранения! – запричитала злая толстуха. – Род мой едва не пресекся сегодня, когда Агам поднял оружие на моего сына, серьезно ранив его. Только Дух Реки, которому я приношу в жертву оленьи кости, не допустил его гибели.

Уюк снова икнул и глупо улыбнулся. Жирному недорослю было неловко стоять в центре круга перед всем племенем, когда его каждую минуту дергала за руку мать.

– А ну не улыбайся, осел! Плачь! – зашипела она на него и, размазывая по лицу слезы, толкнула Уюка локтем в живот. – Покажи им свою рану!

Она подтолкнула Уюка к вождю, повернув его раненым плечом. Царапина была пустяковой, хоть Гырка и велела сыну не вытирать засохшую кровь и даже специально раздави-

ла на ране несколько красных ягод. Но мужчины племени, неплохо разбиравшиеся в ранениях, посмеиваясь, переглядывались, понимая, что от такой царапины не умер бы даже грудной младенец, не говоря уже о мальчике шестнадцати весен, который вскоре должен пройти обряд посвящения в воины.

Но жена вождя, переглянувшись с сестрой, опять зашептала что-то мужу, и тот важно сказал:

– Да, рана серьезная, Уюк мог лишиться руки. Ее нужно прижечь. Возьмите кто-нибудь горящий уголь!

– Прижечь? Не хочу! – завопил парень, вырываясь из рук матери и, сопровождаемый смехом, убежал в пещеру. Уа-Аях нахмурился, недовольный, что его сын показал перед всеми свою трусость. Настоящий воин не должен бояться смерти и боли, если он хочет оставить после себя славную память.

– Где же шаман? Почему он еще не пришел, если обещал защитить тебя? – прошептала Рынна сыну.

– Агам не знает, почему его нет. Шаман сказал ему, что придет на совет, – ответил мальчик.

Медвежий Клык повернулся к нему:

– Агам, сын Рынны, что ты скажешь в свою защиту? Это правда, что ты угрожал Уюку острогой и хотел убить его?

– Это неправда. Агам не хотел убивать Уюка, просто в руках у Агама была острога. Уюк лжет.

– Сын Уа-Аяха не может лгать, скорее лжешь ты, щенок! –

повысил голос отец Уюка. – Я требую изгнания Агама! Он не должен жить вместе с Камышовыми Котами, пусть ищет себе другое племя.

Медвежий Клык задумался, он все еще колебался, чувствуя, что вина Агама не так уж серьезна, но боялся вызвать недовольство могущественного рода Уа-Аяха и своей собственной жены. Стоит ли этот мальчишка, чтобы уменьшить его власть? Лучше позволить племени изгнать его, все равно Агам умрет от голода зимой.

– Пощадите моего сына! Не изгоняйте его! – закричала Рынна, бросаясь на колени перед вождем, но братья Яргле, подчиняясь знаку Медвежьего Клыка, оттащили ее.

– Кто хочет выступить в защиту Агама? – спросил вождь. – Если кому-нибудь есть что сказать, пускай говорит сейчас!

Но все племя молчало, вдруг...

– Агам не виноват! Агам не бил Уюка острогой, а только нечаянно поцарапал сучком! – раздался звенящий девичий голос.

Агам поднял глаза и увидел Росу, выглядывающую из-за спины своего отца.

– Замолчи, девчонка! – закричала Гырка. – Никто не поверит твоим словам. Я требую изгнания Агама из племени. Сегодня он едва не убил моего сына, а завтра убьет еще нескольких детей. Мы должны изгнать его, пока не поздно.

Мальчик видел, что Роса, сочувственно относившаяся к

нему, еще хотела что-то добавить, но ее отец, опасавшийся вражды рода Уа-Аяха, схватил дочку за руку и утащил ее, гневно шепча что-то.

– Если Агам не будет изгнан, то мы убьем его сами! – крикнул кто-то из взрослых братьев Уюка, подстрекаемый матерью, и угрожающе занес копье.

Жена вождя снова прошептала что-то мужу. Тот отмахнулся, потом встал на камень и громко сказал, обращаясь ко всему племени:

– Медвежий Клык решил! Агам должен завтра утром уйти и больше никогда не возвращаться. Если он вернется, его убьют.

– Агама хотел защитить колдун! Сегодня Агам был у колдуна! – вне себя от горя крикнула Рынна.

Вождь насторожился. Ему бы не хотелось портить отношений с могущественным шаманом.

– Если колдун хотел защитить Агама, то где Торах? – спросил он. – Почему его нет на совете? Быть может, Рынна говорит неправду, чтобы защитить сына?

В этот момент послышался крик, и в свете костра показался один из отсутствовавших на совете охотников. Следом за ним еще два воина несли что-то завернутое в шкуру.

– Беда, вождь, беда! – крикнул он. – Торах убит. Мы нашли его в лесу на полпути сюда. Голова у него была раздроблена палицей, а в сердце торчала стрела.

Воины внесли шкуру в круг костра, и все увидели, что из

нее торчит рука колдуна. Кто-то из женщин завизжал.

– Около тела мы нашли вот это! – сказал охотник и протянул вождю кусок оленьей кости с вырезанными на ней фигурками.

Агам понял, что это та кость, на которой он сам сделал рисунок несколько часов назад. Вождь знал, что только сын Рынны из всего племени умеет резать по кости. Он шагнул к мальчику.

– Это твое? – спросил он грозно.

– Агам делал это для колдуна.

– Тогда, может быть, Агам и убил колдуна? – крикнула Гырка.

– Агам не мог убить колдуна, Агам слишком слаб и юн, чтобы нанести такой удар палицей. Это мог сделать только кто-то из Лесных Людей, – сказал Родрах, и все согласно закивали.

– Тогда Агам вместе с этой костью передал колдуну злого духа! – не унималась Гырка. – Смотрите, здесь на кости у костра изображен сам колдун! Мальчишка, изобразив Тораха, заговорил его и колот это изображение ножом, как сам шаман заговаривал оленей перед охотой. Агам виноват в его смерти!

Это высказывание для пещерных людей звучало более убедительно. Все они верили в колдовство и в то, что с помощью изображения на кости или деревянной фигурки можно заговорить дух своего врага и убить его. Люди племени

с ужасом отступили от Агама, и мальчик оказался словно в кругу отчуждения. Только Рынна, Омра и Роса верили, что он невиновен, но кто послушает женщину и двух девочек?

— Агам должен уйти завтра утром, или его убьют! — объявил вождь, бросив кость в костер, потому что Дух Огня, как верили Камышовые Коты, очищает предметы от злых заговоров.

Потом Медвежий Клык повернулся и пошел в свою пещеру, не обращая внимания на вопли Рынны и плач Омры.

Мужчины племени этой ночью спали только по очереди с оружием наготове. Утром они собрались отправиться на поиски Лесных Людей и желтого человека, убившего колдуна. Тело Тораха осталось у костра; утром, с первыми солнечными лучами, его сожгут на большом костре, чтобы дух колдуна мог отправиться к Тому, Кто Зажигает Костер Солнца.

Всю ночь Рынна, плача, готовила сына в дорогу, она не надеялась больше увидеть его. Изгнание в те времена, когда вокруг было полно хищников и враждебных племен, означало почти верную смерть. Даже если каким-то чудом Агаму удастся продержаться до осени, то холодная зима все равно убьет его. Плохо, очень плохо было теперь матери, ее сердце разрывалось от тоски...

Сама Рынна не могла пойти с сыном, потому что понимала, что будет обузой для него, да и Омра не выдержит долгой дороги, а оставлять ее одну в племени было нельзя. Гырка нашла бы повод отомстить девочке.

Утром, с первыми лучами солнца, когда пламя костра унесло ввысь дух колдуна, Агам взял копье, каменный топор, оставшийся от отца тупой нож и, в последний раз оглянувшись на пещеры племени, пошел вниз по течению реки вдоль камышей.

Глава IV

Пещерный медведь

– Иногда меня спрашивают, почему я такой храбрый, умный и красивый? А я не могу ответить, потому что к тому же я еще и скромный.

Из историй о фон бароне де Капускинде

Агам решил найти несколько бревен, связать из них плот и отправиться на нем по течению реки, добывая себе пищу с помощью остроги и лука. Возможно, ему удастся отплыть достаточно далеко от родного становища и от всех соседних племен, враждующих с Камышовыми Котами, и он сможет найти себе другое племя, которое примет его к себе. Может быть, это будет то племя, из которого были родом его мать и бабушка, или какое-нибудь другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.